Сезон окончился...

Традиционная церемония подведения итогов театральных сезонов, когда-то собиравшая большую аудиторию профессионалов, на сей раз выглядела скромно. На всю театральную Москву набралось чуть больше сотни людей, которым этот разговор оказался нужным и полезным. Ссылались на прямую трансляцию Съезда народных депутатов — там, мол, куда как интереснее и драматичнее, а нынешний сезон?.. Что же о нем говорить, когда начался он, проходил и, кажется, прошел под знаком несбывшихся ожиданий, утверждали pessimists.

Да, действительно, начало минувшего театрального сезона не сулило ничего обнадеживающего. Один, пожалуй, МХАТ, разделившись на два, стал выдавать продукцию больше, но, будем объективны, отнюдь не лучшего качества — премьеры — за премьерами (не за всеми успеваешь даже следить) вывалили одно чувство: глубокое неудовольствие.

Время, правда, показало, что раздел этот был необходим. По крайней мере он окончательно прояснил, что МХАТ Олега Ефремова находится в предкризисном состоянии. Но еще отчетливее он показал, что притязания второй части МХАТа на полнокровную творческую деятельность пока ничем, кроме самоуверенности и бесстрашия его художественного руководства, не подкреплены. Даже попытки привлечь во временные союзники таких талантливых режиссеров, как Сергей Данченко («Вишневый сад»), Роман Виктюк («Старая актриса на роль жены Достоевского»), Валерий Белякович («Свалка»), большой художественной радости не доставили: семена падают в иссушенную борьбой почву, где уж тут быть видам на урожай?..

Ситуация во МХАТе по многим параметрам напоминает общую картину театральной жизни, и не только

в Москве. Лихорадочные попытки высказаться по самым злободневным проблемам спокойно уживаются с апатией и многолетним красноречивым молчанием. Вот и получается, что самый злободневный, самый острый и самый прогрессивный спектакль в этом театральном сезоне — «Живой» Бориса Можаева и Юрия Любимова в Театре на Таганке, спектакль, которому от роду двадцать один год.

Легко понять, почему два с лишним десятилетия назад «Живого» убивали и в копее концов убили. Легко понять и то, почему этот абсолютно несостарившийся спектакль так волнует и будоражит сегодняшнего зрителя, мучающегося проклятыми вопросами: «Неужели мы могли так жить, позволяли так унижать себя, измываться над собой?»

В этом смысле нынешний «Живой» представляется мне даже более грозным в своей общезначимости, чем тогдашний. Тогда могло захватывать дух от смелости Таганки, дерзавшей намекнуть, что существующая на местах Советская власть недостаточно изящна по отношению к своим избирателям. Сегодня же сводит кулаки и целостности от одного только воспоминания о том, что с нами обращались ровно так, как мы позволяли это с собой проделывать. И только несгибае-

мый Федор Кузькин, как ни гнула и ни молотила его эта постыдная жизнь, оставался живым и несгибаемым.

Спектакль театра «Современник» «Крутой маршрут» сделан по горячим следам публикации повести Евгения Гинзбург. Конечно, навьюно полагать, что повесть эта была неизвестна театру раньше. Но как для «Живого», так и для «Крутого маршрута» настоящее время наступило только сегодня. Спектакль Галины Волчек не лишенный, как принято туманно изъясняться, недостатков, собственно о недостатках говорить не поспешает. Не тот повод, не то нервное напряжение и насыщение этого беспредельно честного произведения литературы и сцены, чтобы заниматься аналитическим взвешиванием каких бы то ни было просчетов.

Ставшая ныне «модной», антисталинская тема не дана конъюнктуре; а душевная потребность сказать сейчас, сегодня, немедленно как можно больше о том кровавом времени, чтобы тайлы ряды радостей сталинищины. Ведь у всех на памяти робкие, хрущевские разоблачения, которые именно своей робостью превратили отлепель в очередные многолетние заморозки.

Сейчас же о тех чудовищных временах сказано сравнимо больше, что вселяет уверенность в невозможности возврата чего-либо подобного на нашу землю.

Ушедший театральный сезон был сезоном долгой творческой раскатики, томительных ожиданий, бесконечных претензий и недовольства: когда же наконец наступит время для осмысленных походов в театр, которые хот-

ят-то добавят сердцу и уму, а не просто продемонстрируют знакомое и надоевшее спеняческое чистописанье?

А театр в это время будто аккумулировал энергию, будто подготавливал долгожданный взрыв интереса к себе, посмеиваясь над досужими рассуждениями критиков (сам грешен, кто ж без греха?) о том, что ждать нечего, что театр впал в спячку, что хуже, кажется, не было даже в самые застойные времена.

И вот одна за другой премьеры, каждая из которых достойна отдельного разговора — не всегда апологетического, скорее всего критического, но разговора серьезного, долгожданного, конструктивного. Стеснянные рамки беглого обзора вынуждают лишь в перечисленно, но даже оно способно поразиить воображение.

Мы все уже, видимо, забыли, что были времена, когда надлежало трех-пяти удачных спектаклей на фоне тридцати-пятидесяти неудачных было нормой. Собственно, это норма я есть; шедеры рождаются гораздо реже, чем хотелось бы. И если есть в этом сезоне три-пять названий, вокруг которых идут разговоры и споры, — это и есть бесплорный успех нынешнего сложного театрального сезона.

Марк Захаров поставил «Мудреца» — не столько пьесой А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», сколько вольную фантазию, явни нам воспоминания о своей собственной и нашей театральной молодости, когда его спектакль «Доходное место» в Театре сатиры попал под артиллерийский обстрел охранителей классики. Сейчас уже ни у

кого не повернется язык рассуждать о неприкосновенности классики, о ее музейной самоценности. Слава богу, попяля наконец что пьеса и спектакль суть разные художественные реальности, имеющие право на самостоятельное существование.

Этим правом всегда широко и талантливо пользовался М. Захаров, возирав на запреты и окрики. Этим правом после почти трехлетней театральной паузы он воспользовался снова, сделав злой, пронизывающий, саркастичный спектакль, который обладает безудержным, беспредельным запасом режиссерской выдумки и режиссерской энергии.

Могли бы мы еще несколько сезонов назад мечтать о постановке на академической сцене, скажем, «Зойкиной квартиры»? А сейчас — пожалуй: спектакль цукинского училища перенесен в вахтанговский театр, который долгие годы жгил не столько успехом, сколько первичней успеха и памятью о былых успехах. С постановкой Гарри Черняковским опальной булгаковской пьесы к вахтанговцам вернулось забытое и подрастерянное вахтанговское начало, который этот театр всегда плеял своего зрителя.

Или, скажем, невозможное не то что несколько лет назад, а и несколько месяцев назад спектакль Театра на Малой Бронной «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» по пьесе Венедикта Ерофеева, всемирно известного автора поэмы «Москва — Петушки», которого только только начинают понастоящему узнавать и признавать на Родине. Горький фарс, сумрачную притчу о нашей

горемычной жизни поставил режиссер Владимир Портнов, поставил, очень точно почувствовав специфический, ни на что не похожий юмор замечательного писателя.

А поди плохо для смягчения театральных нравов, когда на московских сценах появляются переложения прозы Владимира Набокова («Приглашение на казнь» в Театре имени М. Н. Ермоловой)? Или переложение Альбером Камю романа Ф. Достоевского «Бесы» в Театре имени А. С. Пушкина? Или обращение Театра Советской Армии к замечательной пьесе Д. Мережковского «Павел I»?

Во всем этом видится наконец надежда на театральный есда не возрождение, то хотя бы обновление. Что-то в конце концов стровулось, сдвинулось с мертвой точки, точки замерзания. Театр смелее начал преодолевать робость, к нему возвращается дар прямой речи, что так долго не доставало ни театру, ни его зрителю.

Конечно же, ликовать по поводу удачного театрального сезона было бы и преждевременным, и неправильным. Наш оптимизм и наш умеренный восторг вызван единственно тем, что этот театральный сезон оказался на поверку не столь печальным, как они виделись в его начале. Зарождается некая уверенность, что дальше дело пойдет по нарастающей и театр вернет наконец свои позиции.

Валерий ТУРОВСКИЙ,
театральный обозреватель
«СИ».